

Новое христіанство.

(Мережковский: „Толстой и Достоевскій“; Розановъ. *Статьи въ „Нов. Вр.“*: „О классицизмъ и бѣсѣдахъ свящ. Петрова; „Южный Край“ (Тамаринъ): статья по тому же поводу; Боборыкинъ: „Исповѣдники“ и др.; свящ. Петрова: „По стопамъ Христа“).

I.

СВѢТСКАЯ литература послѣднихъ дней много вниманія удѣляетъ религіознымъ и даже церковнымъ вопросамъ. Это крупное „знаменіе времени“, и, конечно, нельзя не привѣтствовать отмѣченнаго факта съ полной и горячей симпатіей. Къ сожалѣнію, у всякой медали есть обратная сторона, есть она и здѣсь. Въ толкахъ о Церкви, христіанствѣ, его задачахъ иногда прорываются фальшивыя ноты.

Основной мотивъ всѣхъ „разговоровъ“ этого рода можно выразить такъ. „Христіанство слишкомъ отдалилось отъ земли въ сторону неба... Ближе къ землѣ... Пусть христіанство немного спустится съ высотъ надмірнаго идеала и подойдетъ поближе къ человѣку съ его земными слабостями и земными страстями и нуждами. Въ этомъ-то призывѣ и скрыта „суть“ фальши.

Указанный лейтъ-мотивъ впрочемъ не у всѣхъ звучитъ одинаково. У нѣкоторыхъ онъ носитъ вполне разумную и приемлемую форму.

„Наступаетъ для Церкви время,—пишетъ г. Тернавцевъ, показать, что въ ней заключается не одинъ загробный идеалъ, наступаетъ время открыть правду въ ней и о землѣ, ученіе и проповѣдь объ общественномъ спасеніи, о христіанскомъ государствѣ и призваніи свѣтской власти, о богосыновствѣ во властеносителствѣ, о Царствѣ Божіемъ на землѣ и т. д.“.

Къ такому пожеланію нельзя не присоединиться. Г. Тернавцевъ желаетъ собственно только осуществленія на землѣ

небеснаго идеала,—возможнаго приложенія этого идеала къ формамъ жизни,—организациі жизни.

Иную окраску тому же мотиву придаютъ Боборыкинъ, Мандельштамъ ¹⁾ и К^о. Эти считаютъ совсѣмъ ненужнымъ небо и *требуютъ*, чтобы христіанство, отказавшись отъ вредныхъ мистическихъ грезъ и мечтаній заботилось только о *землѣ*. Г. Боборыкинъ скорбитъ о сектантахъ за то, что и они думаютъ о небѣ, а того вѣроучителя, который отрѣшилъ себя отъ этихъ личныхъ упованій и поставилъ высшимъ завѣтомъ челоуѣка исполненіе божественной воли *на землѣ*, искренно считаютъ антихристомъ.

Но всегда-ли такъ будетъ?—спрашиваетъ онъ. Нѣтъ, надѣется Боборыкинъ, не всегда. Вотъ безграмотная Лукерья. Что мѣшаетъ ей заботиться о загробномъ блаженствѣ? А въ ней зашевелилось что-то иное. Что же именно? Потребность *дѣятельнаго добра*. Вѣрность завѣтамъ Искупителя... Она врядъ ли и понимаетъ суть ученія о благодати, врядъ-ли даже и сокрушается объ этомъ. Она только хочетъ жить по-божески. И такихъ,—вѣритъ П. Д.,—все будетъ прибывать.

Съ этими *ria desideria* мы, конечно, уже не можемъ согласиться и увѣрены, что даже и баптисты со штундистами не осуществятъ надеждъ автора „Исповѣдниковъ“.

Тѣмъ не менѣе странная проповѣдь почти и не задѣваетъ, не затрогиваетъ насъ. Думается, что и наши читатели не потребуютъ отъ насъ ея разбора. Все это такъ старо и далеко, Все это говорится на какомъ-то невѣдомомъ намъ языкѣ. Мы смѣемъ думать, что и Лукерья *никогда не перестанутъ считать антихристомъ тѣхъ, кто хочетъ совсѣмъ отнять у нихъ небо и потусторонній идеалъ*.

Боборыкинъ за границей религіознаго сознанія, и намъ не сговориться съ нимъ. Потому-то, какъ мы сказали, проповѣдь его даже и не причиняетъ боли.

Наоборотъ, съ невыносимой болью принимаетъ христіанинъ заушеніе отъ тѣхъ, кого смѣлъ считать между друзьями своими.

Разумѣю новый третій типъ реформаторовъ, которые въ послѣднее время, чуть не во имя интересовъ Церкви, кощунственно кричатъ, будто „христіанство не удалось“. Ученіе этихъ „новыхъ христіанъ“ заслуживаетъ вниманія уже потому, что во главѣ ихъ стоятъ такіе великаны, какъ В. В. Розановъ, Мережковскій.

¹⁾ Публичн. лекціи о Ницше и христіанствѣ въ Казани.

II.

Новые реформаторы сильно отличаются отъ прежнихъ своимъ своеобразно откровеннымъ отношеніемъ къ Христову христіанству.

Прежде реформаторы перетолковывали Евангеліе, но при этомъ утверждали, будто они проповѣдуютъ именно „Христово“ христіанство, очищая отъ человѣческихъ измышленій подлинное Евангеліе.

Новые „корректоры“ идутъ дальше. Они откровенно заявляютъ, что Христово Евангеліе само по себѣ нуждается въ поправкахъ. Христіанство „Евангелія“, по ихъ словамъ, отжило свой вѣкъ и должно реформироваться въ самыхъ своихъ принципахъ. Историческое христіанство должно уступить мѣсто христіанству „будущаго“.

Программу этого новаго христіанства и даютъ Розановъ, Мережковскій, Тамаринъ и другіе.

Что же такое это новое христіанство?

Въ формулѣ Мережковского будущее христіанство—это христіанство, подновленное элементами классическаго язычества, —*синтезъ язычества и Евангелія*.³

„Христіанство „Христово“ (историческое) явилось, говоритъ Мережковскій, результатомъ необходимости рѣзко оттолкнуться отъ идеаловъ язычества, отъ *обоготворенія плоти*. Христосъ захотѣлъ возстановить права духа. Но для того, чтобы дать побѣду духу, понадобилось временно *рѣзко отвергнуть* старый идеалъ, какъ негодный, возвести духъ въ апофеозу, временно проповѣдывать права исключительно духа. Отсюда — аскетизмъ, односторонняя культура духа, которую особенно развилъ апостолъ Павелъ, „привившій къ здоровому дереву аріиства ядъ семитизма, — ненависть къ *плоти*“ (Мережковскій).

Теперь, говорятъ, настало время дать обратный толчекъ, вернуться къ языческому идеалу и синтезировать его съ христіанствомъ, плоть объединить съ духомъ.

Эта программа можетъ возбудить большое недоумѣніе.

Что же хотятъ взять отъ язычества? *Поклоненіе формъ, красоты*? Но развѣ красота не одна изъ основъ христіанской этической формулы (истина, красота, добро)? Христіанство ищетъ и всегда искало красоты.